

НЕ ПОХОЖИЙ НИ НА КОГО...

Евгений Редько — один из ведущих актеров **Российского академического молодежного театра** отметил в августе юбилей. Служит он тут более **30 лет**. За это время сыграно немало ролей — от сказочных персонажей до героев-интеллектуалов. Но в последнее время спектаклей с его участием стало заметно меньше, что вызывает досаду поклонников артиста.

Евгений Редько, как правило, отказывается давать интервью, и «Страстной бульвар» не стал исключением. Как говорит сам герой, «не о чем рассказывать», хотя его актерская биография на редкость удачна. Он впервые вышел на сцену тогда еще Центрального детского театра, будучи студентом.

Одной из первых для Евгения Редько стала роль **королевича Елисея** в возобновленном спектакле «Сказки Пушкина» (режиссер **М. Андросов**). Его Елисей был одновременно «гоморически смешон и до

слез печален», он, действительно, разговаривал с Солнцем и Ветром. Не случайно театровед Татьяна Зимакова написала об этой роли: «Королевич Елисей в «Сказках Пушкина» разговаривал с Солнцем, Ветром и Месяцем не только пушкинскими строчками. Он, казалось, знал особенный язык, присущий стихиям».

Потом было несколько сказочных ролей: Ворон в «Снежной королеве», Черная кошка в «Шишке», Снежный Король в «Сне с продолжением», Петух в «Тереме-Теремке», Дьявол с мехами в «Любви к трем апельсинам», королева Тартальона в «Зеленой птичке».

Сказке свойственно выявлять подлинную актерскую природу — игровую, яркую, импровизационную. И открывать иные стороны таланта. Одной из важных ролей, по признанию самого актера, стала Королева Тартальона в «Зеленой птичке» К. Гоцци.

«Лоренцаччо». Лоренцо Медичи — Евг. Редько. Фото М. Савичевой

Спектакль был построен на импровизации, и молодые актеры буквально купались в материале, и все же Королева Тартальона выделялась на фоне других персонажей. Она словно пыталась удержать свою молодость, всеми силами вернуть ее, и не степенно уходила за кулисы, а уносилась, а то вдруг выдавала каскады сальто-мортале.

Работа в сказочных спектаклях, встреча с драматургией Карло Готци, Евгения Шварца дала проявиться чертам «вахтанговской школы» с ее гротесковой природой, музыкальностью, пластичностью и яркой характерностью. Любовь к так называемой «школе представления» сопровождает Евгения Редько на протяжении всей творческой жизни. Черты «вахтанговской школы» (хотя артист закончил ГИТИС, это был первый выпуск курса **Алексея Бородина**) будут проявляться и в его Фигаро, и в Лоренцаччо, и в Епиходове, перепадет гротеска и Белинскому, и Бриллингу, и даже профессор Роберт и Орин получают небольшую долю яркой характерности.

Так в «**Севильском цирюльнике**» **Фигаро** Редько не просто является двигателем действия, без него, кажется порой, спектакль просто разрушается, вязнет. Павел Руднев в статье «Вольготный Фигаро» отмечает, что «когда Фигаро нет на сцене — зрелище провисает, лишено энергии интриги». Сам же герой сочетает в себе и цинизм интригана, и ужимки конферансье, и резвость Арлекина, забавляющего публику «бесконечными гэггами». Этому Фигаро, тем не менее, свойственна и усталость — от навязанных правил игры, от пустоты окружающих. В нем просыпается гордость, и тут брадобрей Редько выглядит совершенно трагической фигурой среди шумного карнавала.

Лоренцаччо Евгения Редько кажется вездесущим — он с легкостью перемещается по залу, выныривая то у ног матери, то появляясь на балконе, то исчезая за дверями, то помогая соблазнить очередную флорентийку. Заостренные чер-

ты лица, пронзительный взгляд, переходы от комикования к глубокой задумчивости — таков Лоренцо Медичи Евгения Редько. Он не бежит — летит, и в развеваемом плаще, бархатном темно-синем облегающем костюме, с растрепанными черными волосами и горящими, почти черными глазами, напоминает хищную птицу. Случается: замрет в полете — присядет на край сцены, посмотрит на зрителей... Но не в зал — в себя смотрит Лоренцаччо, словно пытается найти себя прежнего, честного. И взгляд вдруг вспыхнет... страстью, ненавистью, но тут же он подавит эти чувства и кинется изображать преданного пса: ерничает, ластится к тирану, хихикает как то гаденько, но глаза выдают. И хорошо, что герцог не видит этих глаз.

По мнению одного из критиков, «этот Лоренцаччо вообрал в себя весь опыт прекрасных иллюзий и горьких разочарований XX века». Благодаря спектаклю Алексея Бородина зрители смогли ощутить необходимость прощания с прошлым, и проститься с ним «без смеха».

Спустя год Алексей Бородин ставит «театральный детектив» по роману **Бориса Акунина «Азазель»**. Спектакль «**Эраст Фандорин**» сочетает в себе легкость и философию, игру и тайну. Обаятельный, трогательный, наивный, романтический герой, так нужный не только началу 2000-х, но и времени нынешнему, появился на подмостках. Роль **Бриллинга** — не просто актера, но режиссера в этом театре жизни — почти пятнадцать лет играл Евгений Редько (сейчас он передал ее Дмитрию Кривошапову). Брилинг у Редько энергичен и ярк. Стоит ему появиться на сцене, как сразу же все начинает работать, все куда-то бежит: люди, мебель, мысли... Но при этом Брилинг Редько — романтический герой от первого до последнего шага. Эдакий демон, не знающий покоя и не дающий успокоиться другим. Он играет самозабвенно и умело, он дает Фандорину (на свою голову) те знания о жизни, профессии, людях, которых герою так

«Берег утопии». Белинский — Евг. Редько, Герцен — И. Исаев. Фото А. Кошелева

«Портрет». Фото Е. Цветковой

недостает. Он верит в идею леди Эстер, но в какой-то момент задумывается, не оставить ли в живых своего врага. Этот герой смерть свою принимает, потому что идет на нее все с той же мягкой улыбкой, давая жить Фандорину. Человек в нем побеждает фанатика.

Роль **Виссариона Белинского** в спектакле «**Берег Утопии**» **Тома Стошарда** стала для Евгения Редько знаковой, прочно закрепившей за ним нишу интеллектуального героя. Отношения с персонажем складывались трудно. «Ограниченное понятие об этом человеке», по признанию актера, довольно долгое время не давало ему возможности понять и почувствовать героя. Евгений Редько перечитывал его письма и статьи, «пытаясь уловить ход мысли». Наступил момент, когда у актера «сложился орнамент текстов Белинского».

Его «неистовый Виссарион» нервный, порой излишне пафосный, «с болтающимися и забалтывающимися руками», патологически застенчивый, мгновенно преображается, как только начинает говорить о том, что его действительно тревожит. Редько играет человека, который отчаянно пытается увязать идеализм и реальность, но жизнь реальная давит на него, не дает убежать в абстракцию. Герой Редько находится в непрерывной борьбе с собой и непрекращающемся поиске гармонии, которая все время ускользает.

В «**Портрете**» по повести **Н.В. Гоголя** его партнером стала музыка. С музыкой у Евгения Редько вообще давняя любовь — он чувствует ее, ловит, понимает. Не случайно уже не первый год является одним из ведущих цикла «**Знакомство с оркестром**» в Музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко.

Евгений Редько в «Портрете» не только рассказчик, но и каждый из персонажей: Чартков, проклятый портрет, продавец, дама с дочерью, художник, написавший портрет, и его сын. Он появлялся в глубине сцены и молча некоторое время стоял, то ли вглядываясь в зал, то

ли рассматривая картины на подрамниках. И вдруг заговорил. Его голос дрожал от нервного возбуждения и восторга: так он хотел рассказать нам и о художнике, и о картинах, и о Петербурге. Взнервленный, остро ощущающий свою ненужность и свое призвание, его Чартков внимательно рассматривал пейзажи и портреты. Редько играл человека, который уже не может противиться тайне, он уже перестал принадлежать себе, портрет постепенно овладевал им.

Его **Цинцинат** из «**Приглашения на казнь**» **В. Набокова** в постановке **Павла Сафонова** и профессор **Роберт** из «**Доказательства**» **Кшиштофа Занусси** — новая тема в творческой биографии. Если раньше вопросы нормы и нормальности лишь слегка затрагивались в спектаклях, теперь все сценическое время было посвящено им. Цинцинат казался в перевернутом мире единственным нормальным. Он отгораживался от назойливых тюремщиков, жены, родственников и почти бросался в объятия палача (Петр Красилов) — потому лишь, что тот говорил человеческим языком. Актер словно пытался зачеркнуть свою природу, забывал о яркой характерности, а существовал в состоянии почти постоянной скованности. Но нечастые жесты, взгляды, малейший поворот становились от этого еще значительнее.

В постановке **Алексея Бородина** «**Участь Электры**» по трилогии **Юджина О'Нила** «**Траур Электре к лицу**» Евгений Редько сыграл **Орина** — сына Кристины (Янина Соколовская). Мальчик, вернувшийся с войны стариком. В его герое сочетаются черты маленького ребенка, жаждущего тепла, любви, и воина, вернувшегося домой, перенесшего немало потерь и страданий. Редько играет восторг и страх, радость встречи и настоящую боль. Его Орин возвращается домой нерадостным, измученным, израненным внутренне и буквально напарывается на щиты и копыя сестры и матери. Они терзают его своей любовью. И он, не выдерживая внутренних метаний, убивает

«Участь Электры». Орин — Евг. Редько, Лавиния — М. Рыщенкова. Фото С. Петрова

себя, потому что прикован к прошлому, уже отравлен ненавистью.

То, чего недополучил Евгений Редько в родном театре, ему предложил **Михаил Левитин**, пригласивший артиста в **Московский театр «Эрмитаж»** на роль **Ученого и Тени** в спектакле **«Моя тень»**. Надо сказать, что со Шварцем у Евгения Редько давняя любовь: в ГИТИСе он играл в отрывке по пьесе «Тень», уже в театре попал в спектакль «Снежная королева» (инсценировку Шварца по сказке Х.-К. Андерсена), правда, вот в «Тени» сыграть так и не удалось. Видимо, их встреча должна была случиться именно в театре «Эрмитаж». Прежде всего, потому что Шварц совершенно левитинский драматург, а Евгений Редько — абсолютный герой Шварца. Артист наделяет своего Ученого мягким обаянием, чуткостью, тактом. Христиан Теодор у Евгения Редько говорит мало, больше слушает. Чуть сутулясь, он неслышно ходит по комнате в своем мешковатом кос-

тюме, скрывающем фигуру, а круглые очки будто мешают ему смотреть вокруг и видеть все в реальном свете. Неслучайно, познакомившись с Принцессой, он все время пытается снять их, чтобы лучше взглядеться в нее.

Тень, Теодор Христиан, та темная сторона Ученого, без которой он не может жить и с которой всегда борется. Тень у Редько обладает безграничными возможностями и способностями — он может прилипнуть к стене, распластаться по полу, быть незаметной и вырастать до неимоверных размеров. Сначала никому неизвестный посыльный на цыпочках перебегает от одного министра к другому, преданно заглядывает в глаза, заискивающе улыбается и шипит что-то невнятное. Постепенно вырастая, обретает стать и голос — вот уже министры у него на побегушках, вот он уже соблазнил Принцессу, прижимаясь к ней всем телом, лаская ее и нашептывая на ухо то, о чем она и подумать боится. Но голос

«Моя тень». Тень — Евг. Редько. Фото Д. Хованского

его так знаком ей, так обволакивает ее, что она уже и не сопротивляется.

Самые сильные и страшные моменты спектакля — разговор Ученого с Тенью. Кажется, что человек сходит с ума. Для первого разговора с Тенью ему понадобится зеркало, из которого появляется, вырастая, черный человек, во всем похожий на Ученого. Для последующих — мантия и очки. Мантия — знак власти и всемогущества Тени, а очки — все, что осталось у Ученого.

Вторая встреча с Михаилом Левитиным — спектакль «Свадьба Кречинского» по пьесе А.В. Сухова-Кобылина. И здесь уж актерская игровая природа взяла реванш. По словам Редько, он чувствовал, что нужен этому режиссеру до тех пор, пока сам является соавтором спектакля. Его **Кречинский** — выплеснувшаяся вовне энергия, которую невозможно сдерживать. Он не просто игрок, а стихия игры. Закручивая интригу, он и сам толком не знает, куда его выведет. Даже когда сидит на месте, он все время в состоянии напряжения. Почти физически

ощущаешь, как возникает и формируются мысль, видишь, как подбирается тело, загораются глаза... Этот Кречинский все про всех знает, люди его мало чем могут удивить, а вот он их готов удивлять ежеминутно. Но и в нем перегорает все как-то вдруг, когда оказывается, что «сорвалось», не игра кончилась, а жизнь...

Совсем не похож на себя Евгений Редько в «Нюрнберге» Э. Манна в постановке **Алексея Бородина**. Собранный, лошный, словно специально прячущий свою энергию под деловым костюмом, его **адвокат Рольфе** находится в неприятном для себя положении. Ему вовсе не хочется защищать Эрнста Янинга и его коллег-юристов. Фашизм осужден и побежден. Но все же он делает это. Деятельная натура адвоката и игровая природа актера словно ищут выхода из тех рамок, которые поставил драматург. Нет-нет, да вырвется она на волю — он и в зал суда вбегает, и ни минуты не стоит на месте во время процесса, «фирменные» интонации и улыбка, презрение, смешанное с лукавством во взгляде. Нет, он пришел не защи-

«Нюрнберг». В роли Рольфе. Фото С. Петрова

тить Янинга, он пришел обвинить тех, кто судит. И ему трудно отказать в правоте: «Если виноват Эрнст Янинг, то виноват весь мир — не больше, но и не меньше». Он ни на секунду не верит в абсолютную победу справедливости и предсказывает скорую амнистию тем, кому присудили пожизненное заключение. И окажется прав...

Один из последних спектаклей в родном театре — «**Олеанна**», поставленный **Владимиром Мирзоевым**, кажется, возвращает нас к знакомым образам Евгения Редько. Он играет **профессора Джона**, интеллигентного, умного человека, вступающего в конфликт с юной Кэрл. Но это лишь на первый взгляд. Прежние герои Редько не опускались до унижения тех, кто слаб или менее умен. Они были действительно умны. Джон же, мастерски маскируя свою бездарность, хочет отыграться на студентке за годы унижений. Он упивается своей мудростью и всеведением, но получает отпор от Кэрл (Мария Рыщенкова). Да, они оба заигрались, но и симпатяга-профессор мол-

жет показать клыки, если угроза висит над чем-то дорогим для него.

Мирзоев дает возможность актеру проявить свою природу, если не гротесковую, то привычную зрителю. Редько играет интеллигента-неврастеника, но уже почивающего на лаврах. У него нет стремления развиваться в профессии и менять что-либо в жизни. Ему кажется, что он уже достиг своей Олеанны, но этой мечте не суждено осуществиться, как и всякому стремлению к Утопии.

Сложно объяснить, почему столь яркий и интересный актер с «умным телом» и заразной энергетикой часто выбирает сегодня добровольное затворничество. Отказывается от новых проектов в РАМТе, может быть, просто хочет отдохнуть... Возможно, потому, что не видит ролей, в которых мог бы проявиться совсем по-новому, неожиданно. Пока не видит, а нам остается лишь надеяться, что его «молчание» будет не очень долгим.

Анастасия ПАВЛОВА